

Культура для необразованных?

Мы продолжаем дискуссию о массовой культуре, начатую в № 4 нашего журнала за 1990 г. статьей К. Разлогова «Культура для необразованных?». В ней Разлогов выжигает тезис о существовании двух культур: культуры «для образованных», элитарной, и культуры «для необразованных», массовой. Дискуссия привлекла внимание широкой читательской аудитории. В этом номере журнала предлагаем эссе кандидата филологических наук Александра АГЕЕВА и кандидата философских наук композитора Валентина МАТВЕЕВА.

А. АГЕЕВ: Культуры не противостоят

Включаясь в дискуссию о «массовой культуре», открытую статьей К. Разлогова «Культура для необразованных?», я бы хотел прежде всего несколько разбавить тот крепкий «соус вечности», под которым она, как мне кажется, проходит. Честно говоря, я завидую академическому покою бескорыстного философствования, дыхание которого чувствуется в статье К. Разлогова и особенно в диалоге М. Пророкова и М. Одесского, завидую безусловно объективной «вненаходимости» авторов. Но она же, эта «вненаходимость», на фоне нынешней социально-культурной ситуации невольно раздражает, даже независимо от согласия или несогласия с учеными (а они высказывают ряд очень интересных и близких мне мыслей).

Мне кажется, что, рассуждая здесь и сейчас о проблемах «массовой культуры», пора перестать моделировать некое абстрактное общество, пора перестать по давней контрпропагандистской инерции черпать материал для анализа (пусть теперь и объективного, и даже доброжелательного) на Западе. Пора обратить внимание на наше

нынешнее общество — распадающееся и гниущее, находящееся на болезненном переломе. Причем историческая площадка, на которой еще возможен выбор — медленное восхождение к норме или окончательное одичание, — неумолимо сужается. Это общество, значительная часть членов которого отпала от *всякой* культуры, — общество, где исчезает объект наших неспешных размышлений. Та самая «масса», чьим именем определена специфическая культура, на наших глазах стремительно превращается в «толпу», и этой толпой овладевает паника. Она грозит смести — не очень-то различая оттенки — и остатки лелеемой нами «высокой» культуры, и зачатки только-только возрождающейся культуры «массовой», и вообще все связи по горизонтали и вертикали, которые делают общество обществом. «Семейство» явлений, относимых обычно к «массовой культуре», «снимается», к сожалению, отнюдь не «на фоне Пушкина», а на фоне перманентного Чернобыля — физического и метафизического. Вот об этом и хотелось бы поговорить. Но сначала проясним немного ситуацию

с терминами. Понятийный аппарат, который мы используем, говоря о "массовой культуре", весьма шаток, и это постоянный источник недоразумений. Кто такие «массы», в каком они соотношении с «народом», что вкладывать в понятие «культура», на каком основании разграничивать сферы массового и высокого? Совершенно очевидно, например, что К. Разлогов и М. Чегодаева по-разному отвечают на эти вопросы, и поэтому настоящего спора не получается. Взять хотя бы заглавие статьи М. Чегодаевой — «Искусство изначально массово». Искусство изначально *народно* — с этим еще можно бы согласиться, хотя для меня лично «народное искусство» и «искусство» как таковое, т. е. творящееся личностью и для личности, все-таки принципиально разные явления, да и очень уже далеко ушло искусство от своего «начала». «Масса» же — не «народ», масса — продукт распада и разложения народа. Можно спорить о точной дате завершения процесса распада и о способе его «оформления» — в 1870 ли году это произошло с принятием в Великобритании закона об обязательной всеобщей грамотности, как считает К. Разлогов вслед за Э. Берджессом, немного раньше или немного позже, — вряд ли этот спор принципиален. Важно, что процесс завершился, и он необратим, поэтому оценочный подход к его результатам бесплоден. И несколько неожиданно звучат в устах М. Чегодаевой ностальгические ноты, когда она говорит о всеобщности средневековой культуры или о том, что «величайшие создания человеческого гения создавались для всего народа». Догадки о том, для кого создавались те или иные произведения, вообще несколько комичны. Так и видишь кадр из фильма незабвенных лет, в котором Пушкин, Гоголь, Глинка, Лермонтов, Белинский и иже с ними грызут гусиные перья, создавая нечто «для всего народа», а злобный Бенкендорф не дает народу их творениями насладиться.

На мой взгляд, никакой «многовековой истории» у массовой культуры нет, она действительно продукт новейшего времени. Она востребована к жизни человеком, не доросшим по разным причинам до уровня полноценной личности, но уже оторвавшимся от органики, от «почвы» традиционного общества, в пределах которого, кстати, только и возможно существование «народа» (вот понятие, некогда бессовестно мистифицированное в сугубо пропагандист-

ских целях, да так и употребляющееся до сих пор — неразоблаченным, с совершенным нулем значения). В условиях распада традиции массовая культура унаследовала в какой-то степени объединяющую функцию родового «предания», общинной «морали», а некоторые ее формы оказались своеобразным способом разрядки религиозных эмоций.

Не буду говорить о роли средств массовой коммуникации, о развитии полиграфии и рыночных отношений как об условии возникновения и существования массовой культуры. Все это аксиомы. Добавлю лишь кое-что попутно о роли рынка, поскольку механизм распространения массовой культуры напрямую связан здесь с некоторыми ее сущностными чертами. Родовое предание и общинная мораль, а также конфессиональный долг не предусматривали *выбора*, не предполагали *свободы* (как не предполагают ее достоящее по наследству «народное искусство» и утверждаемое в своей роли школой искусство «высокое»). Рынок и функционирование в «го стихии любого предмета культуры в качестве товара дает человеку право *выбора* и знаменует начало его учебы в школе свободы. Не секрет, что традиционное искусство (отнесем сюда же и религиозное — большой ошибки не будет) и искусство «высокое» — авторитарны и требовательны. Первое дисциплинирует человека как бы извне, второе требует свободной самодисциплины, непрерывного самосовершенствования. Скачок от одного типа дисциплины к другому весьма затруднителен, нужен некий переход, некая область, в пределах которой можно научиться быть свободным и почувствовать прелесть ненавязанной ответственности. Рынок с его многообразием и есть, может быть, такая область.

Однако на рынок можно прийти и с бомбой, и с одуванчиками, здесь права М. Чегодаева. Только зачем же выбрасывать из двучленного термина второе слово — «культура»? Мне очень не нравится утверждающееся сейчас расширительное толкование понятия «массовая культура», когда в ее состав зачисляются все, что доходит до потребителя по каналам массовых коммуникаций, все, что имеет широкое обращение, вплоть до предметов бытового обихода, несущих на себе хоть какой-то эстетический знак. Предлагаю всегда помнить о том, что «массовая культура» — «еще» или «уже» *культура*, и далеко не все из того, что печатается, поется, демонстри-

руется на больших и малых экранах, можно к ней отнести. Секс и насилие, когда они самоцель, а не одно из доступных и сильнодействующих средств, просто, видимо, не надо причислять к культуре, хотя бы и «массовой». Аналогично ведь и в «высокой» культуре. Пьесы Г. Гауптмана — феномен «высокой» культуры, но его же статья «Я говорю: да!» (вполне «высокая» по исполнению и пафосу), в которой он приветствует приход Гитлера к власти — просто-напросто за пределы культуры, любой. «Жизнь Клим Самгина» Горького — еще культура, а вот его статья «С кем вы, мастера культуры?» — увы, уже за гранью. Так давайте заниматься культурой, т. е. тем, что так или иначе, тонко или примитивно, но устремлено к добру и «возделыванию» человека и мира, а самоценным сексом и насилием, фашизмом и большевизмом пусть занимаются уголовная полиция или социологи, интересующиеся аномалиями массового сознания. «Можно ли говорить о массовой культуре, не касаясь этой, глубоко безнравственной ее стороны?»,— спрашивает М. Чегодаева, имея в виду циничность «индустрии искусства». Станный вопрос в устах искусствоведа. Коли речь о культуре — так она по определению нравственна, и только тогда о ней есть смысл говорить, а коли безнравственна — так она не культура. Понятно, что уровень нравственности не связан с уровнем благопристойности.

Впрочем, вернемся к нашему обществу к нашей ситуации с массовой культурой. Она, как и многое в нынешней жизни, обусловлена недавним прошлым. Дело в том, что механизм централизованного манипулирования общественным сознанием с помощью средств массовой коммуникации, которым долгие годы пугали нас культурологи-контрпропагандисты, реально и на полную мощь был запущен только по одну сторону «железного занавеса» — по нашу. Только у нас была почти осуществлена монополия на культуру. И поскольку на «высокую» культуру абсолютная монополия недостижима или достижима только в форме полного ее запрета, государство ограничилось монополией на то, что отчасти выполняло функции массовой культуры, но по существу не было ею. Сфера высокой культуры, до которой нас допускали, тоже, конечно, была искусственно сужена, ее явления заставляли работать на государство, адаптировали и интерпретировали в тоталитарном духе. И все же высокая культура

не была бы высокой, если бы не таила в себе возможность по доступной верхушке айсберга восстановить весь его реальный объем, если бы не опрокидывала и не опровергала потуги авторов предисловий и комментариев извратить подлинный смысл этой культуры. Для ее нормального восприятия нужны были, в общем, достаточно элементарные культурные навыки. Однако, чтобы их получить, необходимо было все-таки вступить в круг «образованных», по терминологии К. Разлогова. А численность и качество входящих в этот круг людей жестко регулировались разными способами — от прямого «отстрела» до идиотизации школьного образования, от изоляции слишком «образованных» до повсеместного утверждения ложной системы социальных установок. В этой системе ничто не манило быть «образованным». Но так или иначе «образованные» сумели сохраниться и остаться в поле притяжения культуры, хотя бы и ослабленном.

Судьба «необразованных» была куда более драматичной. Они несколько раз за короткий промежуток времени испытали катастрофические потрясения основ традиционного общества и традиционной культуры — коллективизация и «упразднение» религии были лишь последними, завершающими ударами, после которых говорить о «народе» и «народной культуре» нет смысла. Взамен «необразованные» получили в ответ на свои культурные запросы не массовую культуру, как в цивилизованных странах, а то, что я назвал бы массовой культурой наоборот или, может быть, массовой *антикультурой* (не путать с контркультурой!). В 20-е годы массовая культура у нас еще была в более или менее классической форме — рыночной и плюралистичной, предполагающей многообразие и выбор. Но уже тогда с ней боролись не на жизнь, а на смерть (одним из активнейших борцов был В. Маяковский — см. хотя бы «Во весь голос»). Однако со свертыванием рынка была, естественно, свернута и она. И советский обыватель (употребляю слово без оценочного оттенка) остался один на один с государственной литературой, государственным кинематографом, государственным театром, государственным радио и телевидением. На него обрушилось нечто, по примитивности, дешевизне, доступности и распространенности очень напоминающее массовую культуру, даже берущее напрокат многие ее формы и жанры (детектив,

музикл, комедия, мелодрама), но по внутреннему своему содержанию, по целям, задачам и ценностным предпочтениям прямо противоположное. Оппозиция "массовая культура" — «массовая антикультура» весьма наглядна. Массовая культура в основном своем потоке ориентирована на «человеческое, слишком человеческое», она угадывает потребности среднего, маленького человека и выполняет его заказ. В казенном же варианте она совершенно игнорирует человеческое и запросы потребителя. Даже используя в качестве наживки человеческое (смех, песню, любовь), она навязывает потребителю свои антигуманистические, сверхчеловеческие установки. Массовая культура не отягощена педагогической сверхзадачей — она лишь напоминает и адаптирует устойчивый набор вечных истин. Массовая антикультура официально ставит перед собой задачу переделки человека, его нравственной переориентации, перевода из области элементарных, но бесспорных общечеловеческих ценностей в область бесчеловечной классовой морали. *Иллюзиям* (пусть не всегда безобидным) массовой культуры противостоит откровенная *ложь* массовой антикультуры и т. д. на всех уровнях. Казенная культура «воздвигала» человека, дабы его окончательно расчеловечить, поставить в абсолютную духовную зависимость от государства. Результаты этого кропотливого труда мы сейчас и пожинаем.

Империя распадается, ее чудовищные идеологические мифы рассыпались, но этот процесс совершенно обездолил вскормленные на государственном культурном рации «необразованные» массы. Открылась огромная культурная пустыня, по которой бродят люди с фрагментарно-бессвязным духовным миром. Или эта культурная пустыня будет «возделана», или нас ждет неминуемое одичание. Высокая же культура, увы, не предназначена для освоения столь обширных пространств, да и потенциал ее за годы «победившего социализма» существенно ослаблен. К тому же в процессе «культурной революции» по-сталински пропасть между «образованными» и «необразованными» хотя и была основательно засыпана трупами первых, но к «окончательному стиранию граней» это, слава Богу, не привело. Пропасть зияет предвестием конфликта. Или мы будем снова заполнять ее трупами, или научимся, наконец, наводить через нее мосты, одним из которых может стать массовая культура.

Ей, кстати, не впервой играть эту благородную роль в нашем обществе.

Хочу в этой связи напомнить не столь давние времена — конец 50-х — начало 60-х годов, когда «железный занавес» чуть-чуть приподнялся и к нам стали попадать вещи, книги, музыка, фильмы «оттуда». Большею частью это была сущая чепуха, типичная массовая культура, пропускавшаяся, наверное, из-за полной идеологической невинности. Но пересекая наши границы, дюжинное явление массовой культуры приобретало неожиданно революционный — не побоюсь этого слова — смысл. Наше военизированное общество узнавало жизнь, устроенную по иным, более человеческим законам. Как ни клеймилась у нас, как ни презиралась за «мещанство» и «красивую пустоту» завозная массовая культура, она делала свое дело — освобождающее, раскрепощающее. Она продолжает его делать и сейчас, и навстречу ей растет уже наша, отечественная массовая культура, освобожденная наконец-то от идеологических пут.

Процесс ее возрождения идет очень трудно. Легче освоить рыночные механизмы, чем внутренне освободиться от стереотипов массовой антикультуры, так долго навязывавшихся и художнику, и публике. Родимые пятна социалистического реализма нет-нет и проступят в самых неожиданных местах. То авторы «Интердевочки» примутся доказывать нам, что советские проститутки — лучшие в мире, то Илья Глазунов, борясь за чистоту искусства, заодно пытается выступать в роли политического лидера. Многие недоразумения связаны с тем, что в сложившейся у нас культурной иерархии до сих пор нет места для массовой культуры, и ее деятели, ее творцы вынуждены пыжиться и надуваться, играть роль художников настоящей, высокой культуры. Это пройдет. Все встанет на свои места.

Нормальное демократическое общество, которое мы хотим построить — не монолит, сплотившийся вокруг церкви, партии или консерватории, в нем должно быть всего много и все должно быть разное. Соответствующая такому обществу культура тоже должна быть разнообразной, многоэтажной, дифференцированной. В таком обществе не может быть господства какого-то одного типа культуры — высокого, религиозного или массового. У каждого из них должна быть своя территория, свой «этаж», причем

"переселения" с этажа на этаж (вместе с публикой, что очень важно) не только возможны, но и неизбежны. «Высокий» художник, выросший из недр массовой культуры,— может быть, самый необходимый, самый желанный для демократического общества, не стоящего на месте, тип художника.

Словом, у нашей массовой культуры свои задачи, свое будущее. Ее поддержка и ее

изучение — разумеется, не предвзятое, без истерической защиты от будто бы разрушительной экспансии ею твердынь «высокой» культуры — совершенно необходимы. Культуры не противостоят. Они — сообщаясь и обмениваясь, дополняя друг друга, вместе и по отдельности — противостоят антикультуре, которая наличествует тоже и в высоком (просвещенном), и в массовом варианте.

© А. Агеев, 1991

